

РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЧАСТИЙ У ТИТА ЛИВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ XXI КНИГИ ‘AB URBE CONDITA’)

А.О. Захарченко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Московский государственный лингвистический университет
имени Мориса Тореза, Москва, Россия; anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

Аннотация: В настоящей статье представлен анализ употребления латинского причастия как средства художественной выразительности и риторического украшения речи. Ряды из причастий и причастных оборотов, определяющих одно слово, начинает использовать Цицерон в речах «высокого» стиля и в письмах с особой стилистической обработкой. Демонстрируется, что Цицерон употребляет цепочки однородных причастий в тех случаях, когда стремится вызвать эмоциональный отклик у аудитории и достигнуть таким образом большей убедительности. Такой риторический прием он использует чаще всего в особенно эмоциональных речах о себе или своих противниках (таких как Луций Сергий Катилина и Луций Кальпурний Пизон). Тит Ливий, являющийся последователем Цицерона в отношении риторической отделки языка, также вводит этот прием в речи своих персонажей, что прослеживается по XXI книге ‘Ab Urbe condita’, содержащей четыре объемные речи. В трех из них содержатся длинные цепочки однородных причастий. Основное внимание в настоящей статье уделено сопоставлению использования групп причастий в речах Цицерона и в речах персонажей XXI книги ‘Ab Urbe condita’ Тита Ливия. Демонстрируется, что употребление в речах последовательных рядов причастий в одном падеже, определяющих одно и то же слово, является особым риторическим приемом, который используется при описании человека или группы людей. Такое риторическое украшение речи служит приданию большей убедительности, усиливает образность высказывания, а также создает эмоционально окрашенное описание характеров, имеющее своей целью сформировать определенное отношение к ним у аудитории.

Ключевые слова: причастие; Цицерон; фигуры речи; Тит Ливий

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-04-7

Для цитирования: Захарченко А.О. Риторическая функция причастий у Тита Ливия (на материале XXI книги ‘Ab Urbe condita’) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 4. С. 84–92.

THE RHETORICAL FUNCTION OF THE PARTICIPLE IN TITUS LIVY (ON THE MATERIAL OF BOOK XXI OF 'AB URBE CONDITA')

Anna O. Zakharchenko

*Lomonosov Moscow State University; Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia; anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

Abstract: This article presents an analysis of the use of the Latin participle as a means of artistic expression and rhetorical embellishment of speech. Cicero begins to use rows of participles and participial constructions defining one word in speeches of "high" style and in letters with special stylistic treatment. It is demonstrated that Cicero uses chains of homogeneous participles when he seeks to evoke an emotional response from his audience and thus achieve greater persuasiveness. He uses this rhetorical device most often in particularly emotional speeches about himself or his opponents (such as Lucius Sergius Catilina and Lucius Calpurnius Pison). Titus Livius, a follower of Cicero in terms of rhetorical trimming of language, also introduces this device into the speeches of his characters, as can be traced in Book XXI of 'Ab Urbe condita', which contains four lengthy speeches. Three of them contain long chains of homogeneous participles. The main focus of this paper is to compare the use of participle groups in the speeches of Cicero and in the speeches of characters in Book XXI of Titus Livy's 'Ab Urbe condita'. It is demonstrated that the use in speeches of consecutive rows of participles in the same case defining the same word is a special rhetorical device, which is used in describing a person or a group of people.

Keywords: participle; Cicero, figures; Titus Livius

For citation: Zakharchenko A.O. (2025) The Rhetorical Function of the Participle in Titus Livy (on the Material of Book XXI of 'Ab Urbe condita'). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 84–92.

Причастие и причастный оборот в латинском языке исследуются главным образом как элемент синтаксической структуры фразы, способный выступать аналогом придаточного предложения. Такие конструкции особенно распространены в жанре исторической прозы, который нуждается в арсенале средств для передачи большого количества сопутствующих основному действию обстоятельств.

Тем не менее причастия, начиная с эпохи Цицерона, могут быть рассмотрены и как стилистическое средство украшения высказывания. Внимание в настоящей статье сосредоточено на риторическом аспекте употребления причастий у Тита Ливия. В качестве материала для исследования была выбрана XXI книга 'Ab Urbe condita', так как она содержит весьма примечательные и объемные речи персонажей. Кроме того, для сравнения привлекаются наиболее яркие примеры использования причастий в речах Цицерона, являвшегося

ся для Тита Ливия ориентиром в отношении стилистической обработки высказывания.

Использование причастий в разговорном латинском языке крайне ограничено, поскольку любая подчинительная связь (а причастия выступают в качестве одного из типов придаточного предложения) мало распространена в повседневной речи. Это видно по небольшому количеству подобных образований в текстах развлекательного характера (например, комедиях) и, напротив, высокой частотности в стилистически обработанных и дидактических произведениях [Pinxter 2021: 5]. По этой причине употребление причастий в речах свидетельствует об особой литературной обработке.

Крайне интересным в этом отношении стало исследование, проведенное Эриком Лаутоном на материале писем Цицерона: в посланиях, выдержанных в деловом стиле, причастий практически нет, в то время как в письмах с претензией на некоторую степень риторической отделки они встречаются гораздо чаще [Laughton 1964: 156]. К тем же выводам можно прийти и при анализе частотности появления причастий в речах Цицерона. Если их тематика не предполагает использования возвышенного стиля или потребности в особой стилистической обработке, причастия практически не встречаются. В речах, которые выходят за рамки «среднего» стиля, причастия появляются гораздо чаще. Наш анализ употребления причастий в речах Цицерона показал, что одним из риторических приемов в них является постановка нескольких однородных причастий и причастных оборотов, служащих определением при одном слове.

Важно отметить, что речь пойдет только об употреблении одиноких причастий и причастных оборотов, которые не входят в аналитические образования, состоящие из глагола (чаще всего *habere* и *invenire*) и причастия и положившие начало использованию аналитических форм перфекта в современных романских языках. Так, выражение *habet factum* (“имеет сделанным”) превратилось в итальянском языке в полноценную видовременную форму *ha fatto* (“сделал”). Предметом интереса настоящей статьи также не являются причастия, выступающие частью глагольной формы пассивного перфекта.

Скопление семантически и синтаксически равных причастий (как и слов любой другой части речи) создает риторическую фигуру перечисления [Lausberg 1960: 337–340]. При рассмотрении мест, где последовательно встречаются цепочки причастий в одном падеже у Цицерона, мы пришли к выводу, что такие ряды употребляются для создания выразительного и эмоционально окрашенного описа-

ния человека. Показательным примером в этом отношении является начало второй речи Цицерона против Катилины:

Tandem aliquando, Quirites, L. Catilinam *furentem* audacia, *scelus anhelantem*, pestem patriae nefarie *molientem*, vobis atque huic urbi ferro flammaque *minitantem* ex urbe vel eiecimus vel emisimus vel ipsum *egredientem* verbis prosecuti sumus (Cic. *Catil.* II 1).

«Наконец, квириты, Луция Катилину, *безумствующего* в своей дерзости, *дышащего* преступлением, нечестиво *замысляющего* гибель отчизны, *угрожающего* вам и этому городу мечом и огнем, мы из города выбросили, или выпустили, или проводили *при его отъезде* напутственными словами».

Несмотря на то, что приведенный контекст является общеизвестным и хрестоматийным, важно отметить, что такая концентрация причастий в рамках одной фразы речам Цицерона не свойственна, и начало второй Катилинарии, несомненно, выделяется на фоне его художественной манеры. Обычно Цицерон употребляет последовательно два однородных причастия при описании (ср. Cic. *Sest.* 88, 144, Cic. *Verr.* II.I 1, Cic. *Catil.* III 17, Cic. *Rosc. Am.* 24, 37) или причастие в паре с прилагательным (ср. Cic. *Sest.* 76, 132, Cic. *Mur.* 59, Cic. *Sest.* 12, Cic. *Catil.* IV 9). В Cic. *Catil.* II 1 цепочка из пяти причастий используется Цицероном для того, чтобы создать образ Катилины как врага государства и подчеркнуть, с одной стороны, чудовищность его замыслов и, с другой стороны, радость избавления от него. Кроме того, в этом контексте содержится ряд из трех глаголов (*eiecimus*, *emisimus*, *prosecuti sumus*), образующий фигуру коррекции, или поправления, которая употребляется для уточнения ранее сказанного посредством более точного выражения [Lausberg 1960: 386–388]. Сочетание причастных оборотов и глаголов должно было создавать эмоционально окрашенное высказывание и, несомненно, находило отклик у аудитории.

Подобные комплексы из нескольких однородных причастий можно встретить и в речи ‘Pro Caelio’, которая причисляется к речам возвышенного стиля [Adams 1971: 5]:

Quaero enim cur Licinium *titubantem*, *haesitantem*, *cedentem*, *fugere conantem* mulieraria manus ista de manibus emiseric, cur non comprehenderit, cur non ipsius confessione, multorum oculis, facinoris denique voce tanti sceleris crimen expresserint (Cic. *Cael.* 66).

«Я спрашиваю, почему Лициния, *колеблющегося*, *медлящего*, *отступающего*, *пытающегося* бежать, выпустил из рук этот женский отряд...»

Цицерон опровергал причастность Целия к попытке отравления главы александрийского посольства. В приведенном контексте с помощью градации из цепочки причастий и анафоры он кратко рису-

ет образ Лициния, чтобы заставить аудиторию усомниться в том, что он собирался передать пузырек с ядом в банях, ведь в противном случае его бы заметили и остановили.

Такое употребление рядов причастий в одном падеже при описании человека можно обнаружить и в других речах Цицерона, относящихся к возвышенному стилю (ср., например, Cic. *Sest.* 64, Cic. *Catil.* I 3, Cic. *Vat.* 21, Cic. *Prov.* 6, Cic. *Rab. Perd.* 43).

Самое большое количество причастий при описании человека было нами обнаружено в речи 'In Pisonem', содержащей эмоциональное обличение Луция Кальпурния Пизона, который приложил усилия для изгнания Цицерона в 58 г. до н. э.:

Numquam ego sanguinem expetivi tuum, numquam illud extremum quod posset esse improbis et probis commune supplicium legis ac iudici, sed abiectum, contemptum, *despectum* a ceteris, a te ipso *desperatum* et *relictum*, *circumspectantem* omnia, quicquid increpisset *pertimescentem*, *diffidentem* tuis rebus, sine voce, sine libertate, sine auctoritate, sine ulla specie consulari, *horrentem*, *tremantem*, *adulantem* omnis videre te volui (Cic. *Pis.* 99).

«...но я хотел видеть тебя презренным, ничтожным, *презираемым* остальными, *отчаявшимся* и *оставленным* самим собой, *оглядывающимся* на все, *боящимся* каждого шороха, *разуверившимся* в своих делах, без голоса, без свободы, без авторитета, без ранга консула, *страшащимся*, *трепещущим*, *заискивающим* у всех!»

Важно отметить, что не во всех речах возвышенного стиля Цицерон использует цепочки причастий при описании человека. Например, в речах против Гая Верреса таких конструкций не было обнаружено. Чаще всего Цицерон использует большое количество причастий именно для передачи определенной эмоции или настроения (например, гнева или радости) в риторически украшенных речах, особенно если дело касается или касалось его самого.

Аналогичное использование причастий было найдено нами у Тита Ливия, наследующего особое внимание к стилистической отделке языка [Гаспаров 1983: 455]. При нарративе он часто использует в качестве определений при субъекте пары причастий или причастие в паре с прилагательным, которое конкретизирует образ действия [Kühnast 1872: 265]. Иногда после таких пар встречается и наречие [Riemann 1885: 111]. Например: *maerens* quidem et *gemens*... *oboedienter* tamen faciebat (Liv. XXXIX 53, 11) «*печалась и стонала*, ... всё же *покорно* выполнял». В речах же персонажей повествования причастия либо отсутствуют вовсе, либо встречаются в скоплениях.

В XXI книге 'Ab Urbe condita', охватывающей события 2-й Пунической войны, содержатся четыре речи: речь Ганнона, выступающего перед «сенатом» Карфагена против наделения Ганнибала властью

полководца, речь Аморка, передающего жителям Сагунта условия сдачи города, а также две пространные речи полководцев к войскам перед сражением: Сципиона к римлянам, Ганнибала — к пунийцам. В трех из четырех речей присутствуют пассажи, где обнаруживаются последовательные ряды причастий в одном падеже. Такие цепочки используются при описании характеров для того, чтобы у слушающих сложилось определенное отношение к человеку или группе людей. Например, Ганнон стремится изобразить Ганнибала опасным человеком, которому не следует верить руководство армией пунийцев:

Juvenem *flagrantem* cupidine regni viamque unam ad id *cernentem*, si ex bellis bella serendo *succinctus* armis legionibusque vivat, velut materiam igni *praebentes* ad exercitus misistis (Liv. XXI 10, 4).

«Юношу, *горящего* желанием власти и *видящего* один путь к ней — если он будет жить, сея войну за войной, *окружив себя* оружием и легионами, — вы, будто *подкидывая* дрова в огонь, отправили к войскам».

В этом контексте можно видеть аллюзию на приведенный выше фрагмент из второй Катилинарии, причем даже обстановка произнесения речи в обоих случаях схожа: говорящему нужно обличить человека и заставить аудиторию разделять его взгляды. Однако в этом контексте причастия используются не только для описания Ганнибала (*flagrantem*, *cernentem*), но и для описания других лиц (*praebentes*). Такая концентрация причастий в одной фразе создает напряженную атмосферу, помогая изобразить Ганнибала как воинственного человека, стремящегося к власти, и передать возмущение Ганнона действиями «сената» Карфагена.

Цепочки причастий в одном падеже используются и в речи Сципиона к римскому войску. Полководец старается убедить только что вверенную ему армию в том, что пунийцы слишком измучены переходом через Альпы, а потому не представляют большой опасности:

Fame frigore inlucie squalore *enecti*, *contusi* ac *debilitati* inter saxa rupesque; ad hoc *praeusti* artus, nive *rigentes* nervi, membra torrida gelu, *quassata fractaque* arma, claudi ac debiles equi (Liv. XXI 40, 9).

«Они, измученные голодом, холодом, неопрятностью и грязью, *разбитые* и *ослабленные* среди скал и утесов; к тому же у них *обмороженные* конечности, *окопавшиеся* от снега мышцы, *заледевшее* от мороза тело, *поврежденное* и *сломанное* оружие, хромы и слабые кони».

Скопление однородных причастий (*enecti*, *contusi*, *debilitati*), а также фигура дистрибуции (*praeusti artus*, *rigentes nervi*, *membra torrida*), предполагающая описание частей одного целого по отдельности для большей выразительности признака [Lausberg 1960: 340–341],

создают образное описание солдат Ганнибала, которое должно было вызвать презрение к ним со стороны римских солдат. Чтобы убедить свое войско в том, что поражение пунийцев неизбежно, Сципион обращается к недавнему прошлому, когда отец Ганнибала вынужденно пошел на условия римлян:

Quem nisi Saguntinum scelus agitaret, respiceret profecto, si non patriam *victam*, domum certe patremque et foedera Hamilcaris *scripta* manu, qui *iussus* ab consule nostro praesidium deduxit ab Eryce, qui graves impositas victis Carthaginiensibus leges *fremens maerensque* accepit, qui *decedens* Sicilia stipendium populo Romano dare pactus est (Liv. XXI 41, 8–9).

«Если бы его не преследовало преступление над сагунтийцами, он бы вспомнил если не *побежденную* родину, то точно дом, отца и договоры, *подписанные* рукой Гамилькара, который *по приказу* нашего консула увел гарнизон с Эрика, который, *ропща и скорбя*, принял тяжкие законы, *наложенные* на *побежденных* карфагенян, который, *покидая* Сицилию, согласился платить дань римскому народу».

Приведенная фраза построена на анафоре и синтаксическом параллелизме, позволяющих дать Гамилькару определения, направленные на создание его образа как обреченного и неудачливого полководца. Синонимичные причастия '*fremens*' и '*maerens*' использованы рядом для усиления эмоционального воздействия на аудиторию. Такой прием часто можно встретить в эпосе Вергилия (ср. Verg. *Aen.* XI 150–151, Verg. *Aen.* XI 668–669, Verg. *Georg.* III 421, Verg. *Georg.* IV 501). Кроме того, с помощью причастий даны определения и к существительным '*patriam*' и '*foedera*', чтобы подчеркнуть безвыходность положения полководца пунийцев.

В речи Ганнибала к войску также содержатся цепочки причастий в одном падеже для описания армии противника. Служат такие конструкции той же цели, что и у Сципиона, — создать неприглядный образ стана неприятеля:

Pugnabitis cum exercitu tirone, hac ipsa aestate *caeso, victo, circumsessio* a Gallis, *ignoto* adhuc duci suo *ignorantique* ducem (Liv. XXI 43, 14).

«Вы будете сражаться с войском новобранцев, этим самым летом *разбитым, побежденным и осажденным* галлами, *неизвестным* своему предводителю и *не знающим* его».

Эффект от фразы с обилием причастий для описания человека усиливается фигурой анноминации ('*ignoto*', '*ignorantique*'), предполагающей использование однокоренных или близких по значению слов для языковой игры [Lausberg 1960: 323–325].

Та же фигура используется Титом Ливием в речи Ганнибала вторично, наряду с синтаксическим параллелизмом и антитезой:

Cum *laudatis* a me *milliens donatisque*... procedam in aciem adversus *ignotos* inter se *ignorantesque* (Liv. XXI 43, 18).

«Я пойду в бой с многократно *похваленными* и *награжденными* мной против *незнакомых* друг с другом и *не знающих* друг друга».

В речи Алорка, обращенной к жителям Сагунта, подобных скоплений причастий обнаружено не было. Это объясняется тематикой и тональностью речи: Алорк, выступая посредником, лишь передает условия сдачи города, не выказывая своего личного отношения к происходящему и не описывая кого-либо.

Отметим, что сам факт наличия рядов причастий в речах отмечался, например, Эриком Лаутоном применительно к речам Цицерона, однако он связывался им исключительно с необходимостью привести большое количество деталей и сохранить при этом темп речи и не рассматривался как риторическое средство [Laughton 1964: 156].

Таким образом, настоящая статья демонстрирует, что последовательные ряды из нескольких причастий и причастных оборотов в одном падеже, относящихся к одному определяемому слову, Тит Ливий использует в речах своих персонажей для более экспрессивного, эмоционально окрашенного изображения характеров. Такое употребление, заимствованное Ливием у Цицерона и развитое им, выступает в определенных пассажах речей не только маркером высокого стиля, но и эффективным риторическим средством создания яркого и живого образа и усиления впечатления и эмоционального воздействия на аудиторию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М.Л. История всемирной литературы. Т. 1. М.: Наука, 1983.
2. Adams J.N. A Type of Hyperbaton in Latin Prose // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1971. № 17. P. 1-16.
3. Kühnast L. Die Hauptpunkte der livianischen Syntax. Berlin, 1872.
4. Laughton E. The Participle in Cicero. Oxford, 1964.
5. Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. 2 Bde. München, 1960.
6. Pinkster H. The Oxford Latin Syntax. Vol. II. Oxford, 2021.
7. Riemann O. Etudes sur la langue et la grammaire de Tite-Live. Paris, 1885.

REFERENCES

1. Gasparov M.L. *Istoriya vsemirnoy literaturey* [History of World Literature]. T. 1. Moscow, Nauka Publ., 1983. 584 p. (In Russ.)
2. Adams J.N. A Type of Hyperbaton in Latin Prose // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1971. № 17. pp. 1-16.
3. Kühnast L. *Die Hauptpunkte der livianischen Syntax* [The Main Points of Livian Syntax]. Berlin, 1872.
4. Laughton E. *The Participle in Cicero*. Oxford, 1964. 161 p.

5. Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik* [Handbook of Literary Rhetoric]. 2 Vol. Munich, 1960. 960 p.
6. Pinkster H. *The Oxford Latin Syntax*. Vol. II. Oxford, 2021. 1438 p.
7. Riemann O. *Etudes sur la langue et la grammaire de Tite-Live*. [Studies on the Language and Grammar of Titus Livius] Paris, 1885.

Поступила в редакцию 01.06.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 23.06.2025

Received 01.06.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 23.06.2025

ОБ АВТОРЕ

Анна Олеговна Захарченко — аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; преподаватель кафедры классической филологии МГЛУ имени Мориса Тореза; anna.zakharchenko.jim@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anna O. Zakharchenko — PhD Student, teaching assistant, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; teacher, Department of Classics, Moscow State Linguistic University; anna.zakharchenko.jim@gmail.com